

Лужин

В отличие от Разумихина, которому его сословные права и патриотические убеждения открывают в социальном мире Достоевского широкие пути к предприимчивости и обогащению, писатель выводит и глубоко антипатичный, достойный осуждения, тип приобретателя из либералов и западников.

Достоевский не щадит красок для сатирического изображения этой ненавистной ему социальной категории. Прогрессист, из карьерных соображений стремящийся к полному деспотизму в браке, крупный делец, составивший себе «хождением по делам» значительное состояние, вполне способный на подлог и клевету, таков этот либеральный буржуа 1860-х годов, внушающий глубочайшее отвращение его автору. Именно в его уста влагаются для их окончательного дискредитирования боевые теории шестидесятников об утилитаризме. В то время как Лебезятников, при всем предвзятом отношении к нему автора, сохраняет все же черты идейной страсти и даже выступает под конец в выигрышной роли заступника Сони, «прогрессивный» хищник Лужин выдержан до конца в своей отрицательной сущности.

В лице этого «восходящего буржуа» Достоевский, склонный вообще казнить своих врагов образными памфлетами, видимо, заклеил одного из своих несговорчивых кредиторов. На 6 июня 1865 года за неплатеж четырехсот пятидесяти рублей присяжному стряпчему Павлу Лыжину Достоевскому была назначена опись имущества. В Петербургских адрес-календарях 1860-х годов и списках присяжных поверенных петербургской палаты имеется Павел Петрович Лыжин. Это был, очевидно, один из денежных контрагентов Достоевского. В черновых программах к «Преступлению и наказанию» жених Дунечки выступает под фамилией этого кредитора Достоевского: «Надобно, чтоб Лыжин у Лебезятникова поражен был Соней».

Сведений об этом прототипе Петра Петровича Лужина немного. Осенью 1866 года, в момент, когда Достоевский работал над последними частями «Преступления и наказания», имя Лыжина мелькнуло в процессе Каракозова. «Подсудимым было предложено выбрать себе адвокатов...» Характерно, что из всех выбранных подсудимыми защитников защищать отказался только Лыжин «под тем предлогом, что он никогда не занимался уголовными делами».

Отсюда можно заключить, что Лыжин принадлежал к кругу крупных столичных адвокатов, занимался исключительно гражданскими делами (это считалось несравненно более выгодным, чем уголовная практика) и что, наконец, он нашел нужным таким образом продемонстрировать свой отказ защищать «цареубийцу».

По Л. Гроссману